

Когда Сергей Шакуров говорит, то чувствуешь, что и в разговоре он словно продолжает искать истину, как ищет ее — неустанно и тщательно — в своих ролях, своих героях...

В ИСКУССТВО я попал абсолютно случайно. Правда, с седьмого класса занимался в драмкружке. Потом мы перешли во Дворец культуры: там была сцена, зал — и тут мы стали превращаться в более или менее самостоятельный театр и поставили два спектакля — «Последние» Горького и «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Островского. Как-то раз увидел этот спектакль Виктор Сергеевич Розов и сказал моему руководителю: «Вот этот парень, который Елеську играет, хорошо бы ему в «Детский театр». Почему в Детский? Не знаю. Наверное, потому, что я Елеську играл и, может быть, играл ничего: смешно. И они повели меня в Детский театр. Я пошел, не очень задумываясь... Ну а когда начал учиться, то увлекся очень сильно, и театр вытеснил из моей жизни спорт, которому было отведено восемь лет. (Шакуров — мастер спорта по акробатике — Н. А.). Таким образом я стал, закончив студию ЦДТ, профессионалом: получил диплом, где было написано — артист драматических театров.

Немного работал в театре на Малой Бронной, потом в Театре Советской Армии. Там я сделал самую любимую свою и самую хорошую роль — больше ничего подобного мне сыграть на сцене не удалось — в «Смерти Иоанна Грозного» я сделал Шута.

Мне не довелось увидеть Шакурова в этой роли, но можно представить ее «КПД», если даже одну из последних своих театральных работ, Сирано де Бержерака, высоко оцененную и публикой, и критикой, даже эту сложнейшую и просто очень объемную роль он считает не столь удавшейся и важной, как «несколькиминутную» роль Шута. (Мне даже кажется, после рассказа Сергея Каюмовича об этом спектакле, что слова одного из главных героев пьесы, Иоанна, «Вот это шут так шут!» произносились исполнителем роли царя с восхищением не столько отчаянной смелостью шута, сколько игрой артиста Шакурова...)

— Нюансы меня не занимают совсем. Грудно сказать, каким именно путем я иду к роли. Лучше говорить конкрет-

но: вот Забелин («Свой среди чужих...»). Как-то однажды, вдруг, я подумал: а ведь жить ему осталось очень недолго... И роль получилась — как последняя, как крик, как отчаяние. И сразу понято стало, как ее играть. И сразу стало интересней работать. Хотя тут, наверное, всегда все по-разному.

Во мне есть злость, ее, наверное, воспитал спорт. Я не думаю об этом специально, но интуитивно я не терплю себя вторым. И если я злой, то всегда на самого себя. И именно эта злость заставляет меня так заряжаться и так направлять усилия для достижения цели, что я почти направляю иду к роли: не шархаюсь, не ищу, не ловлю, и она сама, в свою очередь, заставляет все лишнее откидывать, и я иду к ней точно, каким-то кратчайшим путем — я даже не знаю, что это такое и что это за путь. Но эта злость — только внутри меня, она не выходит впрямую на экран или на сцену, она аккумулируется внутри до команды «мотор» или до звонка. А потом, в воплощенных героях это, наверное, не чувствуется, да и не должно...

Очевидно, «злость» — не совсем то слово, которым определяется столь эмоционально описанное выше актерское состояние. Впрочем, какое определение ни подбирать: «сосредоточенность», «творческая агрессивность», «азарт», наконец — все равно природа происхождения этого состояния одна — поиск. Тот самый поиск, чисто интуитивный, но потому-то, может быть, и единственно верный в искусстве, который заставлял Родена «отсекать все лишнее» от бесформенной поначалу глыбы; тот поиск, который принуждает актера заниматься, казалось бы, совершенно не относящимися к роли делами: слушать музыку иного времени, листать фотоальбом, часами простаивать у полотен мастеров, вглядываться в лица прохожих и долго, истово, в каких бы формах это ни проявлялось, размышлять, сопоставлять, обдумывать...

— Наверное, я трагический актер, если уж говорить об амблуде. Правда, для того, чтобы тебя признали трагиком, нужны веские доказательства... Впрочем, сыграл бы и комическую роль: я бы сделал Хлестакова, но не дурачка — дурачка играть легче, — может быть, это была бы не комедия в чистом виде, а комедия какого-то иного рода...

Когда спрашивают, чему отдаю предпочтение — театру или кино, — я обычно отвечаю шуткой. А если серьезно, то в театре за десять лет (в театре им. Станиславского — Н. А.), я сыграл шесть ролей. Но если бы кино не предлагало того, чего хотелось бы, тогда я, наверное, все-таки «ждал» бы театра. Снимаюсь в кино, если предлагается материал, который меня может увлечь сегодня. И на который я иду умышленно: ведь тратится год, а в итоге неизвестно, что получится. Но тем не менее, если характер интересен — иду. Кто режиссер — это уже второй вопрос.

Что я люблю? Литературу. Толстого и Пушкина. Из современников? Толстого и Пушкина. Уже читал на телевидении «Ангело», сейчас подго-

Щедрые герои

С. Шакурова

ВАМ РАССКАЖЕТ
РЕПОРТЕР

Наш сегодняшний собеседник — заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Сергей Шакуров

товил еще одну поэму. Но вообще, поэзия — не совсем мое... Она кажется мне такой мимолетной, что я не успеваю насладиться. А вот проза... Можно всю ночь читать, думать... Что-то происходит во мне.

Люблю кино. Могу на какой-то старой картине с Рыбниковым заплакать.

Но главное — это музыка. Каждый день, когда я шел в

студии...
Основное — работа. Сейчас люблю свою роль механика Гаврилова. Если помните, она без слов, и появление мое на экране дается считанные минуты, но важно, что роль эта требовала максимального напряжения, она — казня какая-то нечеловеческая...

В последнее время часто приходится и слышать, и читать об умении артиста молчать на экране — молчать «красноречиво», потому что камера безжалостно фиксирует не только изменения лица, но и малейшие движения души и мысли. Далеко не всякий актер справляется с такой задачей: среди ее «условий» — не только ум, но и большая духовная наполненность, значительность всей человеческой личности исполнителя.

Сергей Шакуров обладает искусством «звучащего» молчания. При этом он не прибегает к резкому изменению мимики, не меняет позы, не скрывается за эффектными жестами. Он, всегда счастливо оставаясь самим собой, так насыщено проживает за секунды крупного плана

настроение, состояние героя, так прочно чувствует «знаменатель» всего образа в целом, что результаты это приносит поразительные. Недаром его охотно приглашают на такие трудные «малословные» роли: вожатый Сережа, Митя из телефильма «Всем — спасибо!», Павел Алексеевич из «Портрета жены художника» и как наиболее точное подтверждение этой мысли — механик Гаврилов. И все эти молчуны, все эти самоуглубленные, несколько даже отстраненные люди необыкновенно интересны и тем, кто существует рядом с ними в кадре, и нам с вами. Нас манит и привлекает интенсивная жизнь духа шакуровских героев, их некоторая замкнутость и порой «неподражательная странность», за которой, однако, всегда скрыта доброжелательность и редкая искренность.

Его кредо — «делать то, чего пока не умею, не знаю». Он читает стихи, где есть очень симптоматичные для него как актера строки: «Всем существом проникнуть в современность...» Он относится к своим героям как к близким людям: «В «Божественной Анне» я играю великого балетмейстера Фокина. Мне хочется, чтобы у меня с этим человеком все было хорошо...» А «реальных» близких людей он любит преданно и верно. Его киногерои, за исключением двух-трех, — русские люди. Здесь это понятие не анкетное, а нравственное: его герои наделены истинно русской серьезной скромностью, высокой духовностью не напоказ, каким-то индивидуальным ощущением истории всей страны, величия этой истории. Его герои многогранны и порой так же полярны в своих суждениях и пристрастиях, как и он сам. Ему свойственно редкое умение в знакомом и естественном видеть новое и прекрасное. В его лексиконе постоянно слово-вопрос «понимаете?» Он очень хочет, чтобы его понимали, он ждет этого. И от того так щедр он в своих ролях.

Н. АКСЕЛЬРУД.

НА СНИМКАХ: кадры из фильмов «Месяц август» и «Вкус хлеба». Работа в последнем фильме — одна из лучших у С. Шакурова в кино, привнесшая ему широкую известность.

ЛЕНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ
г. ЮРЬЕВИЧ

12 АРХ 1982